

Фото Игоря ИВАНЧИКОВА

Ольга и Евгений НЕКРАСОВЫ:

Вет. клуб - 1999. - 27 нояб. - С. 5.

НЕГРОВ НАМ НЕ ЖАЛКО

В издательствах «Вагриус» и «Эксмо-пресс» выходят книги под одной фамилией. Только на обложках «вагриусовских» она стоит в женском, а на «эксмошных» — в мужском роде. А все потому, что Ольга и Евгений Некрасовы — жена и муж. Последний роман Ольги из серии «Правосудие по-русски» по спросу у читателей уступил только Виктору Доценко с его «Бешеным». Детские детективы Евгения расходятся, как горячие пирожки, — пять объемистых повестей за нынешний год.

Они познакомились на школьной скамье. А потом его потянуло в медицину, ее — в социологию. Встречались, перезванивались... Жениться, выходили замуж... Но однажды случилось нечто, после чего они стали неразлучны.

— Так как вы все-таки стали семьей? Удар молнии?

Евгений: Скорее, пожар московский.

Ольга: У меня сгорела квартира. Сажу в буквальном смысле на головешках, и вдруг на пороге — Женечка!

Е: В пять утра. И в непотребном виде. На автопилоте забрел на ее улицу: думаю, хоть на окно погляжу. А окна нет — выгорело, в дыре — фанера. Главное, Ольге надо было в командировку, читать лекции управленцам Нижневартовска. На тему «Как не воруя стать богатым».

О: Примерно так, хотя вообще-то это называется менеджмент. И вот, смыв под душем копоть-сажу, я уехала. А Женечка остался сторожить пепелище.

Е: Приезжает, я рапортую: стодтвой горелый я, извини, выбросил, замки сменил — их пожарные высадили, потолок начал расчищать. А она огляделась и спрашивает: «Диван тоже продал?» — «А как же, — отвечаю, — вместе с походным алтарем!» И оба захотали. Может, помнишь, у Гашека в «Швейке» есть такой эпизод? Про диван и алтарь, про пьяницу фельдкурата Отто Каца... Но не в этом дело. Понимаешь, она как мячик бросила мне эту фразу, зная, что я подхвачу на лету и ей верну. Это был пароль — наш пароль! «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю!»

Вообще-то говоря, пора мне признаться: с Женей, — с Евгением, пардон, Львовичем, — и Ольгой Борисовной я знакома лет

шесть. Именно с тех пор, когда в одной газете, нашем родном «Вечернем клубе», работали Некрасов, между прочим, замом главного редактора «ВК» был.

— Женя, а я ведь помню, что уходил ты из редакции всегда последним, едва не полночь, и все у компьютера сидел, писал.

Е: Я всю сознательную жизнь сидел, писал. Когда еще работал в аптеке, заполнял общие тетрадки производственными повестями на тему: «Воруют!» Сажу ночью на кухне, пеленки в баке кипят, встать, помешаю и — к столу. А тогда, в редакции, я писал повесть «Коржик», которую потом представили на Букеровскую премию. Ничего я не получил, но все равно было приятно: к ней представляют всего-то пятьдесят писателей в год. А сейчас у меня на компьютере восьмая повесть из серии «Детский детектив». Пеку их, как... блины.

— Ага, вот она — коммерческая халтура.

Е: Обижает. Халтуру я мог бы найти и полегче. Представь ситуацию: я — приходящий отец.

Есть чувство вины перед детьми, есть желание рассказать то, что им некогда слушать. И тогда я, «взрослый» писатель, решаю стать детским. Пришлось ломать стиль, упрощать лексику, собирать подростковые словечки... Вначале я ничего не знал, кроме того, что героя будут звать Дима, как сына. И вот этому Димке надо было прочитать нотацию — самый ненавистный детям жанр. Я скоренько ушел от «что такое хорошо и что такое плохо» и решил, что это будет детектив. Но какой может быть детектив с четырнадцатилетним героем, что он будет раскрывать — кражу ластика? Нет, пускай он раскрывает преступления, пе-

ред которыми пасуют все спецслужбы России! Это будет пародия и в то же время мечта подростка. Пародия должна быть смешной, а над мечтой смеяться нельзя. Значит, надо нащупать подходящий стиль... А когда все найдено, то, конечно, писать легче. Вот так и появился у меня Дима Блинков по прозвищу «Блин» и его подружка Ирка, — что-то вроде нас с Ольгой в детстве.

— А как вы пишете? Как Ильф и Петров или как братья Гонкуры — один бегаёт по редакциям, а второй сторожит рукопись, чтобы не украли соседи?

Е: Ольга — жаворонок, я — сова. Просыпаюсь часиков этак в шесть вечера и — за компьютер. А к шести утра, когда уже пальцы не падают по клавишам, а в голове еще что-то варится, беру диктофон и наговариваю текст, который, понятно, потом еще править и править. В семь рухаю в постель...

О: ...и тут встает «Софья Андреевна Толстая», ставит диктофон на «воспроизведение» и... воспроизводит. Со своими комментариями.

— А потом убирает, стирает, варит, ходит по магазинам, так?

Е: И еще может испечь торт или сотню ма-ахоньких пирожков — безо всякого повода, а просто потому, что по мне соскучились. Я не вижу, откуда это все берется и не слышу: «Я устала, я весь день у плиты, а ты в магазин не сходишь!» У нее другое содержание жизни. Если бы она сидела и смотрела, как машина стирает, а скороварка варит, то, наверное, ее бесил бы этот пузатый барсук, который дрыхнет весь день и в магазин не сходит. А она сама пишет: я вечером просыпаюсь, на столе — торт, а в компьютере, кроме моих «Блинов» — еще и Ольгин новый

файл. И начинается «вечер интересных встреч с женой». Я ее редактирую, она — меня.

— Да, здорово живете, ребята. И не ссоритесь никогда?

Е: Я же говорю: мы друг друга редактируем. Как ты относишься к редактору, который рубит твой замечательный текст?

О: Некоторые писатели сигаретными пачками бросаются. Потому что на столе ничего тяжелее нет.

Е: Не компьютером же в тебя бросаться... А если серьезно, это счастье — так ссориться.

— Я не открою Америку, когда скажу, что к коммерческой литературе у нас в обществе отношение... м-м... неоднозначное. Ко всем этим покетбукам в ярких обложках. И писательский, и читательский снобизм имеет место быть, и третируют эти «книжонки», как низкопробные и мелкотравчатые. Хотя, едешь в метро — и весь вагон зачитывается: кто Серовой, кто Поляковой, кто Мариной... а кто и Некрасовы-ми...

Е: Ой, я тебя умоляю! Мы слабо раскручены. Когда узнаешь, что твой тридцатитысячный тираж оптовики разобрали за две недели, задираешь нос. А когда представляешь себе объем продаж Мариной, нос встает на место. А насчет снобизма ты права, но это снобизм типа: «Я не хочу, потому что не могу». Если писателя не печатают, он с пеной у рта доказывает: «Это потому, что я не играю на низменных страстях публики, как эти продажные коммерческие авторы». А я в таких случаях добавляю: «Как, например, Достоевский». Ведь хрестоматийная история, как он писал своего «Игрока»! Надо же было написать к договорному сроку — и написал! Кто посмеет сказать, что «Игрок» — халтура?

— А я что, спорю, что ли?! Да если хочешь знать, одна моя знакомая алкоголичка практически вылечилась от запоев, когда начала читать эти самые «экспо-пресски» в ярких обложках! Событий в жизни не хватало, тупик, кризис возраста, — под сороковник, в судьбе — пустота. Мексиканское «мыло» раздражало донельзя: чужая сказка. А вот если читаешь про Машу и Наташу, как они — обычные бабы — влипают в разные бандитские разборки и за свое женское счастье сражаются, — так это ж совсем другое дело! Оля, ты как писатель и социолог, прокомментируй ситуацию.

О: Все закономерно. У «мыла» своя аудитория: это те, кто ручки сложил и идет на дно. Конечно, приятнее тонуть в сиропе. А женщина активная ищет под цветной обложкой свою дозу социального оптимизма. Я говорю своим читательницам: «Девчонки, вы все можете! (Неважно, что «девчонкам» может быть и за сорок!) Вы можете повернуть свою судьбу и эдак, и так, вы — умные, красивые, талантливые, сексуальные... Или сможете стать такой, если захотите. И принца своего вы обязательно найдете! А не найдете, так отобьете, а не отобьете, так сами делаете из подручных материалов, — и вот вам подробный рецепт, как именно это делается».

— Оля, в твоей «Формуле мести» и в «Кого ты выбрала, Принцесса?» героини такие, а ты сказала, раскрепощенные...

О: Имеешь в виду эротические сцены? Этот вопрос к Жене...

— Пардон!?

О: Женщина по природе своей не может написать эротическую сцену. Ну, не получится у нее! Я сразу вижу, когда в «дамском» романе прошла мозолистая рука мужчины-редактора.

Е: С «Принцессой», кстати, был унизительный для нас случай, хотя сейчас уже смешно. Ольга сдает книжку, ее принимают, выдают аванс, который мы благополучно проедаем. И вдруг издатель требует: «Добавить секса!» А мы то гордились тем, как сделали любовные сцены. Это трудно, потому что в СССР, как известно, секса не было, и существовало только два набора слов для обозначения «этого»: медицинский и матерный. Нам пришлось найти свой язык, не сюсюкающий, но и не пошлый. И вдруг — нате: или порть книжку, или возвращай аванс.

— Книжка вышла — значит...

Е: Испортили. Я сказал издателю: мы не понимаем, какого секса вам добавить. Дайте для примера сцены из других книг, которые вы считаете образцовыми. Он и пригнал по факсу пять погонных метров секса. В редакцию, где я тогда работал, на стол к секретарше главного редактора. Представляешь? Выползает у девушки из аппарата бумага: «Отдел культуры, Некрасову. Она затрепетала, увидев, как мощно вздымается его плоть»...

— Ребята, скажите, а правда, что у Мариной — «команда», и за нее уже давно пишут другие люди, «литературные негры»?

Е: Ты знаешь, я сам был «негром» и не считал, что автор-экс-

плуататор присвоил мой бессмертный текст. Я был уже членом Союза писателей, а «эксплуататорша» принесла в издательство свою первую книгу.

— Почему ты взялся за эту работу?

Е: Потому что я не был, как она, замужем за бизнесменом, проживающим в Голландии, а то бы сам написал этот роман.

О: Сменилась эпоха, и потребовался новый герой. Допустим, женщина встретила 91-й год инженером-конструктором, а 99-й — челночницей. Она садится и пишет роман...

Е: ...Совершенно чудовищный...

О: ...Но построенный на реалиях, которых не может знать писатель, потому что он и 91-й, и 99-й год встретил писателем. Он только наблюдатель социального перелома, прошедшего по жизни этой женщины.

Е: Или взять Ольгу: она как социолог объехала пол-России, консультировала многих нынешних миллионеров, раскручивала выборные технологии, в приемниках-распределителях анкетировала бомжей. Ей есть о чем писать.

— Твой героический восьмиклассник по прозвищу Блин в одной повести приходит в ярость от книги, в которой описывается, как какой-то опер «свинчивает предохранитель у пистолета, чтобы быстрее стрелять»... То бишь: даже ребенок знает то, что неведомо иным братьям-литераторам.

Е: К несчастью. Я разговаривал с ребенком, которого родители-провинциалы просто бросили, надеясь, что в Москве он как-нибудь прокормится. И он кормился: лето прожил у кольцевой автодороги и ел сбитых машинами собак. Про это я никогда не напишу в детской повести... А заканчивая тему «негров» и «эксплуататоров», скажу, что для читателя здесь нет обмана: он получит все, чего ждет. И эксплуатации чужого таланта здесь нет. Просто один знает про что писать, но не всегда знает — как. А другой — с точностью до наоборот. Порознь они никому не нужны, а вместе создают нечто. И кормятся, в конце концов. Помню, за ту литературную обработку я получил вполне прилично.

— А потом вспомнил, что у тебя жена-социолог, пол-России объездила и все такое. И вы решили: а чем мы хуже?

О: Ты будешь смеяться, но примерно так оно и было!

Встречалась
Ольга МОЗГОВАЯ